

СТАРЫЙ ПОРЯДОК НАКАНУНЕ 1789 ГОДА В РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ (КОНЦЕПЦИЯ П. Н. АРДАШЕВА) И СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

*Лариса Ляхович, кандидат исторических наук,
доцент Белорусского государственного университета культуры и искусств*

Цель статьи — показать новые трактовки развития Франции накануне революции 1789 г. В данном контексте особую актуальность приобретает концепция П. Н. Ардашева, представителя российской либеральной историографии.

Предлагаемые материалы знакомят учащихся не только с неоднозначностью проблематики Великой французской революции, но и с работой учёных в этой области. Могут быть использованы для углублённого изучения, постановки проблемных вопросов, выбора тем рефератов и т. д.

The purpose of the article is to show new treatments of development of France on the eve of revolution of 1789. The concept of P. N. Ardashev, the representative of the Russian liberal historiography, gets special urgency in the given context.

Offered materials acquaint pupils not only with ambiguity of a problematics of the French revolution, but also with works of scientists in this area, can be used for profound studying, statement of problem questions, a choice of topics of essays etc.

Вступление. В современной историографии происходит расширение тематики исследований, переосмысление ужеработанного материала, появление новых концепций и разрушение стереотипов. Это в полной мере относится к проблемам, связанным с Великой французской революцией и политическим развитием Европы Нового времени, изучаемым в средней школе в VIII классе (раздел I, тема II) [1].

Основная часть. В дореволюционной России формирование «русской школы» новой истории связано с именем ученика С. М. Соловьёва В. И. Герье (1837—1919), начавшего изучение Великой французской революции. Учениками В. И. Герье были Н. И. Кареев, П. Г. Виноградов, Р. Ю. Виппер, П. Н. Ардашев и др. Для либеральной российской историографии Великая французская революция была очень притягательна как пример борьбы за равенство, права человека, конституцию, что было актуально для России начала XX в.

Для советской историографии она представляла одну из важнейших тем с большим идеологическим смыслом. Великая

Октябрьская революция ставилась наравне с Великой французской революцией, а большевики — с якобинцами, соответственно интерпретировалась и революция. Так, её причины заключались в конфликте феодально-абсолютистских порядков с буржуазными силами. Франция и её народ были в тяжёлом состоянии, а монархия — тормозом всех прогрессивных начинаний [2, с. 113].

Празднование 200-летия Великой французской революции в 1989 г. привело к обсуждению ряда проблем и констатации того, что, несмотря на определённые успехи, созданный в советской историографии образ революции упрощён и идеализирован, а дальнейшая идеологическая критика зарубежных авторов-немарксистов неконструктивна [3, с. 69—70]. Дискуссионными стали проблемы якобинской диктатуры, Термидора, буржуазных партий, корректности понятия «феодально-абсолютистский строй», истоков революции и т. д. [3, с. 65—73].

Разумеется, революция не возникла случайно, но была ли монархия настолько аб-

* Научная публикация.

солютной и бездарной, а администрация — деспотичной, как это утверждалось? Исследование П. Н. Ардашева «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774—1789. Провинциальные интенданты» предоставляет огромный материал для решения этого вопроса.

Павел Николаевич Ардашев (1865—1922/23), российский историк и публицист праволиберального направления, ученик В. И. Герье, выпускник Московского университета, в 1896—1898 гг. работал в архивах Франции, был приват-доцентом в Одессе, с 1901 г. — профессором в Юрьеве (Дерпте), с 1903 г. работал в Киеве, после революции — в Симферополе, а затем в Минске, где и умер [4, с. 7].

«Провинциальная администрация» была высоко оценена Н. И. Кареевым — крупнейшим, наряду с В. И. Герье, специалистом по Великой французской революции. В отзыве на присуждение Ардашеву академической премии Кареев отмечает, что исследование может быть названо энциклопедией старого порядка и это «научная работа в высшей степени важная» [7, с. 23, 53]. Однако Кареев считал выводы автора слишком оптимистичными [5, с. 198—202; 6, с. 321—322; 8, с. 203—209], отмечая также его приверженность такому источнику, как административная переписка, и недооценку наказов 1789 г. [7, с. 36—39]. Во Франции работа была встречена с одобрением, и, по словам одного из французских рецензентов, «французы должны быть особенно благодарны автору такой книги» [7, с. 24].

А. А. Боровой, историк, журналист, теоретик анархизма, оценил работы Ардашева как выдающиеся события новейшей исторической литературы, отмеченные западной критикой [9, с. 11—12]. О работе Ардашева писали его коллеги В. А. Бутенко [10, с. 158—159] и В. П. Бузескул [4, с. 6—12]. Затем П. Н. Ардашев и его научное наследие надолго погружаются почти в полное забвение. Можно привести лишь упоминания об Ардашеве в работе Б. Г. Вебера [11, с. 525] и «Очерках истории исторической науки в СССР» о том, что он находился на правом фланге русской историографии, изучал предреволюционную Францию, которую явно идеализировал [12, с. 486—487]. Лишь в последние годы Ардашев и его концепция

попали в поле зрения историков — при переосмыслении проблем Великой французской революции [13—15], методологии истории [16, с. 330—331] в учебной литературе [17, с. 163—167]. Почему так произошло?

Выводы П. Н. Ардашева шли вразрез с канонами советской историографии. Даже учитывая его «оптимизм», материалы «Провинциальной администрации» заставляют задуматься.

Старый порядок, т. е. три последних предреволюционных царствования, нельзя трактовать как нечто однородное, это ряд эпох, каждая из которых имела собственное лицо. Внутри старого порядка происходила непрерывная эволюция, причём не столько путём законодательных изменений, сколько трансформаций в самом порядке вещей [18, с. 90—93].

Предреволюционная Франция менее всего похожа на единообразную страну под властью абсолютного монарха. Существовали области со штатами (представительными органами), выборные области (выборный округ как финансовая единица) и области завоеванные [18, с. 103, 138—141]. Во Франции насчитывалось до трёхсот «кутумов» — гражданских кодексов обычного права. Не только соседние города или сёла, но даже различные кварталы одного города отличались законами. Податных режимов в стране было больше, чем административных округов. Огромное количество учреждений развивалось независимо от законодательства [18, с. 98—106].

В связи с этим между законодательной нормой и действительностью была целая пропасть. Любой закон рассматривался на соответствие местному праву, существовала система частных узаконений и специальных регламентов, не было учреждения, следящего за исполнением законов. Правительство, которому было неизвестно даже точное количество населения, терялось в массе законов, а королевский совет признавался в недостаточном их знании [18, с. 107—127].

Король, который не только правил, но и управлял, формально руководил не единолично, а «в своём совете», входя в него в качестве председателя и составляя с советом высшее законодательное учреждение [18, с. 218—222]. Монарх обязан был считаться с судебными-представительными учреждениями — парламентами, особенно главным из них — Парижским. После

прекращения созыва Генеральных штатов парламенты стали антагонистами королевской власти. Их независимость состояла в праве регистрации королевских законов, которое со временем превратилось почти в законодательное вето и нередко брало верх над королевским «изволением». На протяжении XVIII в. борьба между парламентами и монархией не утихала, парламенты выступали тормозом инициатив центральной власти и негативно относились к интендантам — её представителям на местах [18, с. 448—461]. Не случайно современные исследователи указывают на черты незавершённости в абсолютизме Бурбонов [13, с. 14—15].

«Желание народа», «желание нации», «пожелание всех сословий государства» и тому подобная риторика пронизывают последнее царствование. Приводимые факты говорят об огромном значении новых идей и критике правительства, которое прислушивается к общественному мнению и старается использовать его в своих интересах [19, с. 126—162]. Во Франции, где не было легально разрешённой свободы слова, общественное мнение было тем более сильно, что развивалось путём неформального общения — воспитанием, чтением, посещением салонов, клубов, кафе, культурой разговора и т. д. [19, с. 162—180]. Что же касается официальных запретов, то они почти не выполнялись. Правящая элита сочувствовала новым идеям и даже покровительствовала просветителям [19, с. 180—191]. Так, интенданты были «просвещёнными администраторами», защищающими интересы своей провинции и проявляющими заботу о её развитии.

Ардашев отмечает характерную для общественного настроения ненависть к деспотизму и произволу, органически присущим старому порядку, хотя и носившим «патриархальный, отеческий» характер. В то же время справедливость, гуманность, свобода могли зачастую проявляться как «просвещённый произвол». Революцию же Ардашев назвал грандиозным «актом произвола» [19, с. 684—700], внося свой вклад в дискуссию, которая продолжается уже не первое столетие.

Выводы. Сегодня пересмотрено значение понятий «феодально-абсолютистский строй», «буржуазная революция», переосмыслен ряд проблем [13; 15]. Так, вместо термина «феодально-абсолютистский строй» применяется «старый порядок». Признано, что монархия, называемая абсолютной, была фактически ограниченной, размежёвываются термины «абсолютизм», «деспотизм» и «самодержавие» [20, с. 5—6; 21, с. 32—33; 22, с. 75—76]. В деятельности французской монархии указываются как достижения, так и просчёты, отмечается противодействие её инициативам со стороны судебных корпораций [20, с. 9, 86—102, 111]. Сделан вывод о том, что экономический кризис конца 1780-х гг. не означал нежизнеспособности системы в целом [20, с. 111—113], а революция наступила не столько из-за финансового кризиса, оппозиции, слабости власти и т. д., сколько в силу сочетания этих факторов [21, с. 347].

Новая историография французской революции не утрачивает преемственности с позитивным наследием советской историографии, но принадлежит уже к иному времени и имеет своё лицо [13, с. 23].

Список использованных источников

1. Всемирная история. История Беларуси : учеб. программы для общеобразоват. учреждений с рус. языком обучения / И. Н. Лапанец. — Минск : Национальный институт образования, 2009. — 94 с.
2. Новая история, 1640—1870 : учеб. для студентов ист. фак. пед. ин-тов / А. Л. Нарочницкий, Н. Е. Застенкер, С. Б. Кан [и др.]; под ред. А. Л. Нарочницкого. — 4-е изд., испр. и доп. — М. : Просвещение, 1986. — 704 с.
3. Чудинов, А. В. Назревшие проблемы изучения истории Великой французской революции (по материалам обсуждения в Институте всеобщей истории АН СССР) / А. В. Чудинов // Новая и новейшая история. — 1989. — № 2. — С. 65—74.
4. Бузескул, В. П. Всеобщая история и её представители в России в XIX и начале XX века / В. П. Бузескул. — Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1929. — Ч. 2. — 223 с.
5. Кареев, Н. И. Работы русских учёных по истории французской революции / Н. И. Кареев // Известия Санкт-Петербургского политехнического института. — 1904. — Т. 1. — Вып. 3—4. — С. 155—202.

6. *Кареев, Н. И.* Последние работы русских учёных о французской революции / Н. Кареев // Вестник Европы. — 1911. — № 4. — С. 318—324.
7. *Кареев, Н. И.* Отзыв о сочинении П. Н. Ардашева «Провинциальная администрация в последнюю пору старого порядка. 1774—1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным». — Т. 1. — СПб., 1900 г.; Т. II. — Киев, 1906 / Н. И. Кареев // Отчёт о тринадцатом присуждении Императорскою Академиею Наук премий митрополита Макария в 1909 году по историко-филологическому отделению. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1911. — 196 с.
8. *Кареев, Н. И.* Историки французской революции : в 3 т. / Н. И. Кареев. — Л. : Колос, 1924—1925. — Т. 3: Изучение французской революции вне Франции. — 306 с.
9. *Боровой, А. А.* История личной свободы во Франции / А. А. Боровой. — М. : Тип. Императорского Московского университета. — 1910. — Т. 1. — Ч. 1: Старый порядок и революция. — 470 с.
10. *Бутенко, В. А.* Наука новой истории в России / В. Бутенко // Анналы. — 1922. — № 2. — С. 124—167.
11. *Вебер, Б. Г.* Образование русской либеральной традиции в историографии Великой французской революции / Б. Г. Вебер // Французский ежегодник: статьи и материалы по истории Франции. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. — С. 489—526.
12. Очерки истории исторической науки в СССР : в 3 т. / под ред. М. В. Нечкиной. — М. : Изд-во АН СССР, 1955—1963. — Т. 3 / М. В. Нечкина (гл. ред.). — 1963. — 830 с.
13. *Чудинов, А. В.* Смена вех: 200-летие Революции и российская историография / А. В. Чудинов // Французский ежегодник 2000: 200 лет французской революции 1789—1799 г.: Итоги юбилея. — М. : Эдиториал УРСС, 2000. — С. 5—23.
14. *Чудинов, А. В.* «Королевское самодержавие» во Франции: история одного мифа / А. В. Чудинов // Французский ежегодник 2005 [Электронный ресурс]. — 2005. — Режим доступа: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Tchoudinov-2005.html>. — Дата доступа: 16.12.2010.
15. *Чудинов, А. В.* Французская революция: история и мифы / А. В. Чудинов. — М. : Наука, 2007. — 310 с.
16. *Корзун, В. П.* Образы исторической науки в отечественной историографии рубежа XIX—XX веков : автореф. ... дис. д-ра ист. наук: 07.00.09 / В. П. Корзун; Омский гос. ун-т. — Екатеринбург, 2002. — 38 с.
17. История и философия отечественной исторической науки : учеб. пособие. — М. : Изд-во РАГС, 2009. — 344 с.
18. *Ардашев, П. Н.* Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774—1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным : в 2 т. — СПб.; Киев : В. С. Балашёв и К^o; Типогр. И. И. Чоколова, 1900—1906. — Т. I / П. Н. Ардашев. — 1900. — 658 с.
19. *Ардашев, П. Н.* Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. 1774—1789. Провинциальные интенданты. Историческое исследование преимущественно по архивным данным : в 2 т. — СПб.; Киев : В. С. Балашёв и К^o; Типогр. И. И. Чоколова. 1900—1906. — Т. II / П. Н. Ардашев. — 1906. — 733 с.
20. Родригес, А. М. Новая история стран Европы и Америки XVI—XIX вв. : в 3 ч. / А. М. Родригес [и др.]; под ред. А. И. Родригеса, М. В. Пономарёва. — М., 2005—2008. — Ч. 3. — 2008. — 703 с.
21. История Нового времени: 1600—1799 годы : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А. В. Чудинов, Д. Ю. Бовыкин, А. С. Медяков [и др.]; под ред. А. В. Чудинова, П. Ю. Уварова, Д. Ю. Бовыкина. — М. : Академия, 2007. — 384 с.
22. *Ревякин, А. В.* Новая история стран Европы и Америки: конец XV — XIX век : учеб. пособие для студ. вузов / А. В. Ревякин. — М. : АСТ; Астрель, 2007. — 508 с.

Контрольные вопросы

1. В чём были едины дореволюционная и советская историография при изучении Великой французской революции?
2. Как соотносить конкретную историографическую ситуацию, политические позиции историков и объективные данные источников?
3. Почему оценка французской монархии в советской историографии не могла быть иной?
4. Что нового и почему появилось в выводах постсоветской историографии Великой французской революции?